

Любовь Хилинская

**ЛЮБОВЬ-МОРКОВЬ
И ПРОЧИЕ АНАНАСЫ**

УДК 82-993
ББК 84-4
Х45

Х45 **Хилинская Л.**
Любовь-морковь и прочие ананасы / Любовь Хилинская – М.: Литнет, 2025.
– 202 с.

ISBN 978-5-521-93037-1

Итак, тест на беременность. Сделай это, Саша! Развернула, окунула, результат через пару минут. Рука моя зависла над коробочкой. Пальцы заметно задрожали, и я впервые в жизни не могла решиться и взять синий прямоугольник, чтобы внести ясность в свое положение. Бурундук ли я? Тьфу, то есть, беременна ли я? Вдруг это таки климакс? Медленно я оторвала пленку, развернула коробочку, достала тест. Вот он, мой спаситель или погубитель. Мучительно медленно тестовое окно начало заплывать, и я увидела полоску. Розовую. Жирную. Одну. А следом за ней еще одну. Тоже розовую и тоже жирную. - Две полоски, Саня, это жопа, - бормочу я всем известную с детского сада истину, а потом со всего маху хлопаюсь этой самой точкой на букву Ж на крышку унитаза и смотрю на чертовы полоски. Кажется, что от моего взгляда они становятся только жирнее. И их все еще две. - Дорогой, кажется, ты станешь папой... А может, и не ты. Вот же черт, Саня, вот ты попала!

Часть 2 в цикле «Врачебные тайны»

Знак информационной продукции согласно
Федеральному закону от 29.12.2010 г. № 436-ФЗ.

ISBN 978-5-521-93037-1

© Литнет, 2025
© Л. Хилинская, 2025

1

Дежурство удалось. Три кесаревых, одно с кровотечением и экстирпацией изношенной матки, четверо физиологических родов, и вот сейчас стою, наслаждаясь едва забрезжившим рассветом, у приемника, закутавшись в куцую куртку и вяло размышляю о том, что нормальные люди в такое время еще десятый сон досыпают, а ненормальные курят за углом, жадно вдыхая вонючий дым своими поношенными легкими. Можно было б перейти на модные нынче всякие там электронные сигареты, но суррогат я не приемлю ни в чем. Ни в отношениях, ни в продуктах, ни в табаке.

– Сан Санна, ты долго тут будешь жопу морозить? – бурчит недовольно выглянувшая из-за угла мой боевой товарищ – акушерка Лидочка. – Там уж скоро открытие полное, пора, голубушка.

– Да надеялась, что до пересменки дотянем, – вздыхаю и бросаю окурок в железную консервную банку с неровно обрезанными краями. – Первородка же. Пошли, коль не шутишь.

До конца смены оставалось полчаса. Роды с тугим обвитием и интимным прикреплением плаценты, конечно, достались мне. Сидя на стуле напротив раскинувшейся женщины с рукой по локоть в ее теле, слушая негромкое переговаривание анестезиолога с акушеркой, невольно уловила краем уха слова «профессор из Москвы».

– Что там за профессор? – извлекая плаценту на свет божий и хмуро рассматривая ее, обернулась через плечо.

– Ты работай-работай, Сан Санна, не отвлекайся, потом в кулуарах тебе все расскажу, – зубоскалит Алексей Петрович, фея сладких женских снов нашего роддома, поглаживая зардевшуюся акушерку по спине. – А то еще заинтересуешься, замешкаешься, а нам тут всем домой охота со смены. Правда, Лидочка?

Та закивала и смущенно заулыбалась под маской, отчего в уголках ее глаз собрались морщинки. Вот так и не замечаешь, как толь-

ко пришедшая с колледжа девчонка становится сначала женщиной, потом бабушкой, в то время как сама ты только ломовая лошадь. Пустоцвет. Карьеристка. Хотя с последним, пожалуй, можно и поспорить. Выше и. о. зав. отд не поднялась, да и эта должность что-то в последнее время стала тяготить, и я периодически раздумывала, не уйти ли в простые дежуранты. Тем более, что переводить меня из и. о. в просто зав. отд. явно не собирались. А так – отпахала смену и домой. А то вот сейчас еще протокол писать, потом на пятиминутку идти, где самой себе же докладывать о прошедших сутках, затем на прием к начмеду, объяснять, по какой причине из молодой женщины извлекли матку. Он, сукин сын, и сам ведь все знает и понимает, да только вот по должности ему положено такие вопросы задавать. И задаст. И шкуру спустит. А то, что обладательница той матки ею пользовалась за свои тридцать пять лет уже восемь раз, да шесть из них рожала путем кесарева сечения, это, конечно, мало кого волнует. Особенно саму женщину, льющую слезы в палате наблюдения по несбывшейся мечте стать матерью десятерых, а то и более, детишек. Мда... Такая вот ты, Сан Санна, разрушительница мечт. О том, что глупой бабе жизнь спасла, никто и не вспомнит. Ну да ладно, работа такая у нас.

С треском стянув перчатки по окончании операции, я разрываю тесемки на одноразовом операционном халате, бросаю его в желтый пакет, после чего с наслаждением вытягиваюсь руками вверх и тут же получаю щелчок по оголившемуся животу.

– Хоть бы людей постыдилась, Санька, пузо тут свое демонстрировать! – Алексей Петрович, проходя мимо, не преминул воспользоваться возможностью прикоснуться к телу. – Ишь ты, скоро сорокет, а все такая же, какой и пришла сюда. Селедка селедкой!

– Угу, маринованная, – бурчу в маску, направляясь к выходу. – Пойдемте, Алеша, вы тут мне намедни обещали про профессора личного рассказать. Зачем к нам этот фрукт едет?

Мы вышли в длинный коридор, в котором уже бурлила утрен-

няя жизнь – спешили лаборанты брать кровь, вышедшие на смену врачи осматривали вновь поступивших рожениц, смешливые молоденькие практикантки-акушерки хихикали в уголке, поправляя волосы при виде анестезиолога. Хорош, засранец! Волоокий, стройный, высокий – прям мечта девиц всех мастей и социальных статусов. И также прочно женатый.

– Угостишь меня кофе, коль уж в твоём распоряжении целый кофейный аппарат? – Алексей, приобняв меня за плечи возле двери в кабинет с надписью «заведующий отделением» заглядывает в глаза и подмигивает. – Так сказать, баш на баш. Я тебе информацию, ты мне целебную жидкость.

– Тебе с коньяком или без? – киваю на шкафчик, в котором стоит початая бутылка с коричневой жидкостью.

Конечно, на работе пить нехорошо, и все это знают. И я знаю. И начмед. Он сам, собственно, и притащил мне эту бутылку, когда тут месяц назад умерла пациентка. Молодая девка, решившая родить дома. И даже нашедшая какую-то дуру, согласившуюся ей помогать. Как пояснил нам муж покойницы, представившаяся акушеркой девица слиняла сразу же, едва запахло жареным. Запущенное поперечное положение плода с разрывом матки по рубцу. Скорая привезла почти труп с едва струящейся уже лакированной кровью. И мы сделали все, что смогли. И что не смогли, тоже попытались. Это была не первая смерть за всю мою карьеру, но к такому нельзя привыкнуть. Глядя в глаза, я сообщила молодому отцу, державшему на руках полуторогодовалого ребенка, что его жена умерла. И что, если бы мы сделали ей плановое кесарево сечение, и она и его второй сын остались бы живы.

– Нет, мне еще домой ехать, я ж за рулем, – анестезиолог подошел к окну и приоткрыл створку. – Холодно-то как. Когда ж уже весна чертова? Апрель заканчивается, а все дубак и дубак.

– Так, чай, не на югах живем, – усмехнувшись, я ставлю кружку в кофемашину. – Как говорила моя бабушка – май-то май, а шубу

не снимай. Ты мне зубы, товарищ реаниматор, не заговаривай, колись, о каком таком профессоре вы гутарили? Что за светило едет на мою голову?

– Ой, Сань, и вправду – светило. Светило, да не досветило, – снова улыбается анестезиолог.

Вот будь я чуточку помоложе, да не такой принципиальной, увела б парня из семьи. Ишь ты, скалится белыми зубищами, ямочки на щеках показывает, скребет пятерней чуть заросший щетиной подбородок.

– Это светило, понимаешь, закрутило роман со студенткой. А папаша студентки оказался не абы кто, а видный столичный бизнесмен. Ну и прикрутил он хвост нашему товарищу, что его поперли с кафедры. А карьеру ж делать надо. Помыкался он, потыкался, везде в той Московии ему отказ. Вот и пришлось горемыке ехать, куда пошлют. Как декабрист, почитай, приперся.

– А студенточка за ним приехала? – затянувшись сигаретой, с интересом гляжу на Алексея.

– Ой, да сдался он ей, этот профессор. Он и не профессор теперь вовсе, как ты понимаешь, просто докторишка. Будет тут у нас на кафедре, да под твоим крылом трудиться. Я ж думал, ты знаешь. Чего твой приятель тебе не сообщил-то?

Приятель. Начмед. Однотруппник мой, Колька Разумовский, с которым верой и правдой оттарабанили сначала шесть лет в студентах, потом еще два года в ординаторах, потом в роддоме бок о бок. Как Зита и Гита, право слово. Близнецы практически. И почему сейчас эта Зита мне не сообщила, что в моем отделении будет обитать некий столичный фрукт, мне еще предстоит узнать.

– А вот прямо сейчас и пойду и спрошу, – задумчиво бросила я окурок в пепельницу.

Нет, пора заканчивать с этой скверной привычкой. От нее, говорят, цвет лица портится. Правда, куда уж хуже, вздохнула, мельком глянув на себя в зеркало – блондинистые волосы и бледная

кожа и без того придавали томный вид, а уж после дежурства, когда перекусить удалось одной долькой шоколадки, меня украшали еще и круги под глазами. Выбившиеся из заплетенной косы пряди торчали в разные стороны. Эх, переплести бы, но уже времени нет, пойду так.

Накинув халат поверх пижамы, взмахнула рукой, подгоняя коллегу быстрее доглатывать свой кофе.

– Пойду я к Николаю, стало быть, Матвеевичу, – вздыхаю, – узнаю все про фрукты, получу на орехи, да домой.

– Ступай, голубушка, на орехи – это всегда хорошо, – тщательно моя чашку в раковине и водружая ее на место, провозгласил анестезиолог, – это позволяет держать жопу в тонусе.

– Угу, я итак ею могу эти самые орехи колоть, своей жопой в тонусе – буркнула в ответ, мрачно вздохнув.

– Вот и не расслабляйся.

Мы вышли из кабинета, под которым уже стояли две женщины на сносях. Увидев меня, обе кинулись, сердито глядя друг на друга.

– Александра Александровна! – почти в голос воскликнули они. – Подпишите обменку!

– Потом, девочки, все потом, – подмигнул им анестезиолог, подхватывая меня под локоток, – Сан Санна идет на ковер к началству. Дождитесь ее, голубушки, не уходите никуда! – и поволок меня по коридору.

Может, отпуск взять? Или больничный?

Начмед сидел в кабинете мрачнее тучи.

– Что, Саня, успела уже объяснительную написать? – спросил вместо приветствия, когда я поскреблась к нему в дверь. – Муж твоей пациентки тут уже побывал, жаждет крови, собрался судиться с больницей. В нынешних реалиях знаешь, чем это грозит?

– А за то, что его жене жизнь спасли и детям мать оставили, он благодарность не хочет написать? – уселась в кресло и нервно сунула руку в карман халата, нащупав пальцами ключи от кабинета.

– Ходишь по грани, Сашка! – буркнул начмед, постучав карандашом по столешнице.

Весь его мрачный вид и круги под глазами будто кричали о бурно прошедшей ночи. Вот сколько знаю этого товарища, и всякий раз удивляюсь тому, насколько можно быть половым гигантом. Разумеется, и у меня с ним что-то было. Легче иголку в стоге сена найти, чем того, у кого с Колясиком ничего не было. К счастью, я себе иллюзий не строила, и еще в студенчестве поняла, что с данным экземпляром не стоит заводить серьёзных отношений. Исключительно ради здоровья.

– Ты знаешь, что на твое место нашли уже кандидата? – внезапно поднял взгляд на меня начмед, перестав вздыхать в сторону.

Я постаралась ничем не выдать удивления. Вообще-то за прошедшие полгода в должности и. о. как-то сроднилась с мыслью, что буду заведующей. И вот тут словно меня водой окатили.

– Нет, – ответила не дрогнувшим голосом. – И кого же?

Николай скривился, будто во рту у него внезапно оказалась лимонная долька, а затем процедил:

– Да есть тут один фрукт. Отличился в столице, оттуда его поперли, он и притащился сюда. Главный ему то ли брат, то ли сват, в общем, родственники. Разумеется, никто и не вспомнил о твоих заслугах, Сань, а ввиду того, что ты сегодня ночью бабе матку оттяпала, попрут с должности в рядовые врачи. У меня уже и распоряжение соответствующее имеется.

Пожала плечами, повернув голову в окно и задумалась. С одной стороны, конечно, обидно, что после скоропостижной смерти нашей милейшей Капитолины Андреевны прямо на рабочем месте от инсульта я волокла этот грязный воз на себе, а сейчас осталась не у дел, а с другой, ну вот же шанс на нормальную жизнь. Уйду в дежуранты, буду приходить на работу на одну ставку, а так устроюсь еще вон в частный медицинский центр, стану там недра тетенок ощупывать за деньги и спать спокойно. И руки, как говорится, в тепле...

– Чего молчишь? – Николай Матвеевич выжидательно глядел на меня.

– Да чего, Коль, пусть будет новый заведующий. А я, пожалуй, домой пойду. Дежурство, знаешь ли, поганое выдалось. Матка эта еще, будь она неладна.

Поднялась со стула, скрипнув ножками по паркету, взглянула в темно-серые глаза начмеда, после чего развернулась и пошла в сторону двери. Устала. Страшно устала я от жизни такой.

2

Выходные пролетели, будто и не было их. Странно, но меня ни разу не дернули в роддом, видимо, обошлось без происшествий, либо новый заведующий рьяно выполнял свои обязанности. Что ж за фрукт-то такой столичный к нам приехал? Студентку развратил, Саньку с должности попер, отличился по всем фронтам, однако.

Едва забрезжил рассвет понедельника, подскочила с кровати, вынырнув из тягостного сна, в котором оперировала бок о бок с человеком, у которого вместо головы ананас, и этим самым фруктом он со мной разговаривал. Нет, точно, пора в отпуск. Куда там нынче модно летать? В Тай, знаю, мотаются коллеги. Вот куплю путевку и полечу. Зарплату все равно некуда было тратить, к излишествам я не привыкла, а наряды на работе и не нужны вовсе. Самый простой хлопковый костюм, братья-близнецы которого имелись на всякий случай в шкафу, тапки и носки – вот и все наряды.

К своему – своему ли? – кабинету подходила с некоторой опаской. Табличка на месте, тетки в разной степени беременности тоже, посторонних в коридоре не наблюдается. Никаких, понимаешь, ананасов.

Ключ повернулся почти бесшумно, спасибо завхозу Петру Владимировичу. Шмыгнула в полутемные недра своего обиталища, переделась в закутке у раковины, пригласила очередную. Рабочий понедельник покатился своим чередом.

Ровно в восемь тридцать вошла в ординаторскую, чтобы стать свидетельницей невероятному зрелищу – на краю стола, опираясь ягодицами на столешницу, а ногами в синих тапках на пол, в полуобороте ко мне стоял невероятный красавец. Окинула его взглядом – ну хорош! И знает об этом, явно рисуется перед молоденькими акушерочками и ординаторами, что обступили товарища